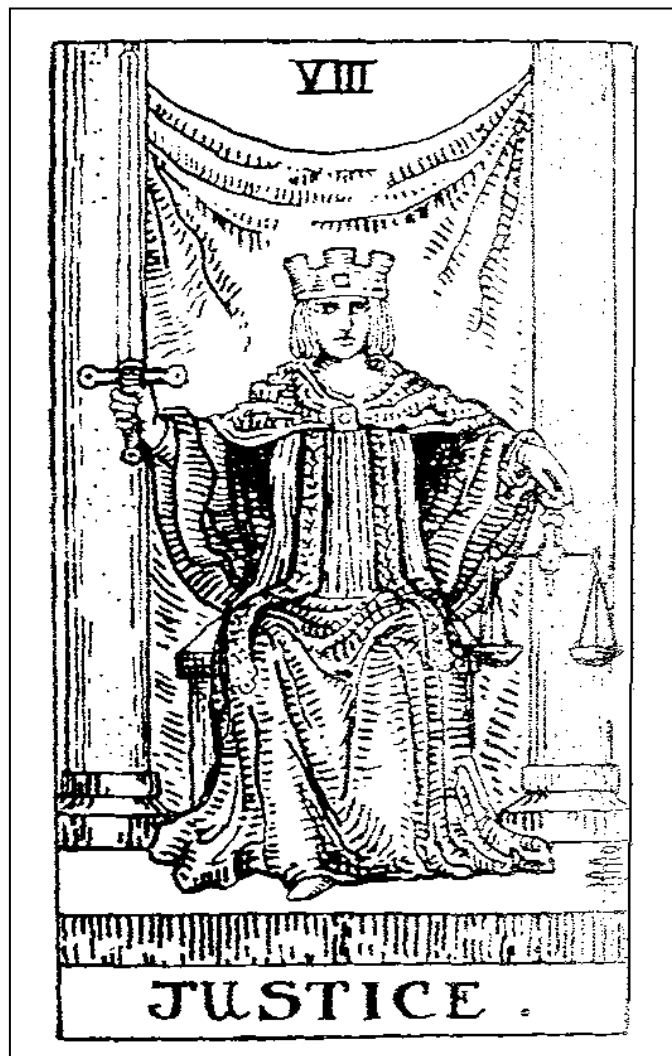

ГЛАВА 8

Поединок между профессором и поэтом

Аркан 8. Наименование: *Правосудие, Фемида.*

Буква евр. алф.: *פ Шед (Ход).*

Иероглиф: *Поле (то, которое можно возделывать).*

Числовое значение: *8.*

Гностический символяриум: *Мировое равновесие; Распределение; Рассуждение; Взвешенность решений; Карма; Единоборство при равенстве сил; Уравновешенность.*

Графические символы: *Восьмилучевая звезда из двух пересекающихся квадратов; Роза ветров.*

Астральный знак: *♋ Рак (Краб).*

Орденское описание. Завершение процесса инкубации и достижение Возлюбленным рыцарского совершенства в уравновешивании разумом агрессивного биологического начала. Зверь (прошое) и ангел (будущее) выступают в человеке на

равных, паритетно и даже комплементарно¹. Вино производством готово, теперь нужна *выдержка*. Для достижения её необходимо пройти стратификационные стадии посвящения. Поэтому *весы* (половина гностического пространства аркана) относятся к Инкубации, а *меч* — к Стратификации, ибо 8-ой аркан одновременно заканчивает первую и начинает вторую. Финальное состояние посвячительной процедуры 8-го аркана — достижение посвящаемым *душевного равновесия*, поскольку после периода *накопления* идёт период испытания, своего рода “сопромат” Тарота. Эмоция и долг, потакание прихоти и совесть — вот что лежит на разных чашах *весов* Фемиды. По идее, для осуществления наказания должен наличествовать другой персонаж, и такой персонаж есть. Это Немезида, исполняющая в совершенстве все экзекуторские функции. Именно она держит *меч* в *правой* руке, как Фемида — *весы*. Только в этом случае достигается *право-судие* и *справедливое* наказание.

Заканчиваются “сидячие” арканы, — исключение составляет лишь 15-ый, амбивалентный с 6-ым (1+5=6), — вместе с ними завершается поэтика «кубического камня», с которым они слиты неразрывно. Инкубация есть обработка «дикого камня» неопфита в квадрат мастера с перспективой превращения его в гроссмейстерский куб (Book), символ Христа.

Восьмая глава преисполнена диалогического балансирования между Иваном-дураком и “автором Жар-птицы”, эмоциональный напор первого обдаётся холодным душем здравомыслия второго.

Посмотрим, как это было.

“Как раз в то время, когда сознание покинуло Стёпу в Ялте, ...оно вернулось к Ивану Николаевичу Бездомному, проснувшемуся после глубокого и продолжительного сна”.

Такое впечатление, что *сознание* одно на двоих и работает в головах вахтенным методом. В этом смысле *русский дурак* именно в силу своей безразмерной множественности всегда помечается в сказках единственным числом. *Два* дурака — это просто мировая катастрофа и вселенский ступор. Похоже, Булгаков, походя и шутя, прописал важнейшую общенациональную константу и приоткрыл завесу над знаменитым тютчевским “Умом Россию не понять”.

“Я” из погрузившейся во мрак Ялты перекочевало в лечебницу, вынырнувшую из “тьмноты”, и стало ясностью в голове Бездомного. Футуристическое окружение сильно его озадачило (прямо Герберт Уэллс! — мог бы он патетично воскликнуть, если бы знал, кто это). Когда после нажатия кнопки в палату вошла фельдшерница и весело провозгласила: “Пожалуйста ванну брать”, Иван напрягся, прикидывая, сможет ли он поднять предлагаемое. Внутренняя стена раздвинулась, обнаружив “прекрасно оборудованную уборную”, это навело Ивана на новые размышления, а после случайно оброненного медсестрой слова “интуристы” в памяти всплыли события на Патриарших. Жёваные *кальсоны* в смятой постели Степана сменяются све-

¹ В отличие от *комплиментарности* (согласия-одобрения) *комплементарность* означает только *дополнительность*.

жевыглаженными образцовыми, предназначенными для *умытой*, наконец, России в лице её вылезшего из воды героя. В судьбе Ивана Россия и ванна сошлись в одной точке. Возлюбленный дураком красный цвет тоже не заставил долго ждать:

“— Что желаете — халатик или пижамку?

...Иван ...молча ткнул пальцем в пижаму из *пунцовой байки*”.

Байки, конечно, не былины, но кое-что.

Засим он оказывается в положении знаменитого витязя на распутье: *перед ним было три пути*. Обдумав два первых (тотальный погром всей этой немецкой благодати и повествование о Понтии Пилате) и поняв отдохнувшими мозгами их бесперспективность, он остановился на третьем: *замкнулся в гордом молчании*.

Вот как отпрыгнул пушкинский байронизм ровно через сто лет!

Это не избавило его от необходимости давать показания. Показал бы он всей этой канатчиковой даче — да воли лишили, стервецы!.. Впрочем, он “решил дожидаться кого-то главного в этом «учреждении» (прости, господи!) и уж у этого главного добиться и внимания к себе и *справедливости*”.

“И он дождался его”. Сорокапятилетний гладко бритый господин мгновенно был идентифицирован Иваном как *Понтий Пилат*, а действия его истолкованы в соответствии с прозвучавшим на Патриарших рассказом.

Весь дальнейший ход событий лишь укреплял Ивана в сознании правильно нашупанной аналогии.

Только присказка была у Пилата совсем иная, а именно: *Славно! Право, славно!*

Стоило Ивану почувствовать, что перед ним *самый*, он мгновенно попытался оправдаться в напраслине, возведённой на него, Ивана, добрыми людьми (у, гниды!), сиречь синедрионом грибоедовским.

Дальше он как на духу рассказал профессору всю историю с “консультантом” и Берлиозом, а также подсолнечным маслом и Аннушкой, которая *чёрт её знает* кто такая.

“— Так вот вы и добиваетесь, чтобы его арестовали? *Правильно* я вас понял? — спросил Стравинский.

«Он умён, — подумал Иван, — надо признаться, что среди интеллигентов тоже попадаются на редкость умные. Этого отрицать нельзя», — и ответил:

— Совершенно *правильно!*” — И пожаловался, что его “в ванне купают”, а на нём грязь целебная.

“— Ну что же, *славно, славно!*” — добил до полной православности Стравинский всё вышесказанное.

И когда, казалось, мелькнула надежда на прогулку в полях, профессору подали допросный лист. Из него выходило, что новоявленный московский мессия вёл себя как допившийся до белой горячки и шизофрении тип, что и было Ивану вкрадчиво объяснено.

Впрочем, Стравинский Ивана обещал отпустить при разъяснении им одного маленького вопроса — проблемы *кальсон*.

“— При чём тут кальсоны? — растерянно оглядываясь, спросил Иван.

— Главным образом Понтий Пилат. Но и кальсоны также. <...>

Тут что-то странное случилось с Иваном Николаевичем. Его воля как будто раскололась (на две кальсонных штанины. — ОК), и он почувствовал, что слаб, что нуждается в совете”.

И далее звучит знаменитый чернышевский вопрос:

“— Так что же делать?”

Как *что?* — Переходить на прозу, изложить всё, а там — анамнез на анализ, а пациента на полное медицинское обеспечение.

Обесточив Петрушку с помощью гипноза, “композитор”, уходя, садистически посоветовал помощнику подналечь именно на... “и ванны”.

Вероятно, по известному нам заявлению, что *подобное лечится подобным*.

А затем вместе со *свитой* исчез.

Забавна, что Иван последовательно подвергается обработке сначала как антирелигиозный борзописец со стороны редактора Берлиоза, а после как новоявленный мессия со стороны психиатра Стравинского. Два кукловода совмещаются в фигуре московского психихопатолога доктора Я. В. Минца, опубликовавшего в 1927 году такое исследование: «Иисус Христос как тип душевнобольного»². Среди печатавшихся в КАГиО обширных исследований, посвящённых Л. Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Горькому и Чехову, девятистраничная статейка как бы давала понять, что по данному поводу это *всё*, что можно сказать.

Некоторые пассажи из этого опуса:

“Возможно ли появление в наше время человека, выдающего себя за «сына бога», посланного «богом» на землю для спасения людей... Несомненно, такой «сын божий» был бы передан в наше время в руки психиатра для помещения в психиатрическую лечебницу как душевно-больной. <...> Самое элементарное знание о психических болезнях, о мании величия, о религиозном бреде необходимо для того, чтобы понять истинное лицо этих одержимых, которые слышат «голос божий», видят «ангелов и демонов», посланных «господом» для переговоров с ними о спасении человечества. <...>

Что представляют собой эти «боги» на земле? Группа душевно-больных, известных под названием *параноиков*.

...Эпоха возникновения христианства располагала к появлению мессии, избавителя иудеев от ига завоевателей, от всех бед и гонений. Появился параноик, которого потом описывали евангелисты под названием Иисуса Христа”.

Автор очерчивает состав главных параноиков мира: Кришна, Будда, Заратустра, Магомет, Савонарола и т.д.

Далее — по Талмуду — описывается безрадостное детство Иисуса с такими любопытными подробностями: в Назарете был сильно распространён алкоголизм; судя по всему, именно он свёл плотника Иосифа в могилу (недаром Иван так возмущается, что его допрашивают “про дядю Фёдора, пившего в Вологде запоем”).

² Клинический архив гениальности и одарённости. Т. III, вып. 3, Л., 1927; 243-252.

Последовательно разбирается деятельность Христа и основные его высказывания в заданном ключе интерпретации.

Вывод категоричен (набран разрядкой): “тот, кого считают создателем христианской религии — душевно-больной — параноик”.

Ведь как всё просто. Тысячи томов были написаны об основателе одной из трёх мировых религий... — и достаточно было единственной пытливейшей еврейской головы, чтобы поставить все точки над *i* и раз и навсегда закрыть проблему. Потребовалось для этого считанное количество страниц, причём автор позволял себе время от времени повторяться. А речь идёт не о пропагандистской статье в популярном журнале; статья д-ра Минца опубликована в сугубо научном и даже прогрессивном издании, не чета чевкинской завали.

Булгаков знал эту статью, наделавшую много шума в интеллигентских кругах, пристально следивших за публикациями в «Клиническом архиве...». Об этом свидетельствует то, что ранний вариант фамилии редактора Мирцев, безусловно, сориентирован на фамилию автора опуса (Мирц-Минц); фраза “Отец Иисуса, как и большинство жителей Назарета, сильно пил, умер очень рано” является предметом сатирического обыгрывания в “белой горячке” Ивана и в описании горестной судьбы дяди Фёдора. Автор-иудаист пишет проникновенно: “Позже Мессией стали называть посланника Бога-Иеговы (обратите внимание на большую букву в данном случае. — ОК), который придёт в Иерусалим основать «вечное царство». Он восстановит по всей земле царство справедливости и истины”. Последняя фраза Булгаковым вкладывается в уста Иешуа почти дословно.

Наконец, *реально* журнал этот, выходивший четырежды в год тысячным тиражом, не мог не лежать на письменном столе у Стравинского, и реальность уже монтируется с вымыслом намертво.

Повышая гностический уровень произведения, Булгаков сменил тон уничтожающей отповеди наглому “арамейскому” писателю на иронию без педалирования в связи с глубинной проработкой 21-го аркана *Дурак, Сумасшедший*, а также припоминанием князя-христа Мышкина, фигурирующего под прозвищем Идиот. Это отразилось в тексте Романа:

“Первоначально он (Левий Матвей. — ОК) отнёсся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня, то есть думал, что оскорбляет, называя меня собакой, — тут арестант усмехнулся, — я лично не вижу ничего дурного в этом звере, чтобы обижаться на это слово...”

Кроме всего прочего, собака в аркане *Дурак* тоже присутствует.

Таким образом, Иван как обобщённый образ русского человека в реальном пространстве истории (Пушкинский Руслан в нэповских сандалиях), проводится Булгаковым по пассионарной тропе хриstopодобия, только в трассологическом, но отнюдь не в прямо аналоговом смысле.

В руках Мирцева-Берлиоза он кукла-марионетка, объект корыстной манипуляции, и глупость его есть лаз в нутро простофили. В руках Стравинского он — ярмарочный петрушка в доброжелательных прикосновениях ладоней “папы Карло”, некий материал для специфического творчества, кажущегося, поскольку оно

намного превышает знакомый и обжитый уровень знахарства, зловредным вмешательством, вроде умывания дитяти. Цивилизование выглядит покушением на русскую своеобычность. После Русакова и Шарикова налицо явный прогресс; хотя, страшно сказать, русская духовная община — *церковь* — основана не на камне-Петре, а на камне-петрушке.

Вот почему в качестве демиурга выбран человек с такой странной фамилией.

Впрочем, для Булгакова фамилия романного психиатра была не совсем вчуже. Мечтая о карьере певца в амплуа баритона, он знал всех выдающихся русских басов и баритонов по живым выступлениям и в записи. В начале XX века гремел бас Фёдор Стравинский (отец будущего композитора), поэтому фамилия его была у Булгакова на слуху, он и воспользовался ей, когда представился случаем.

С другой стороны, не менее знаменитой в 20-е годы стала фамилия художника Василия Кандинского, чей дядя, знаменитый психиатр, являлся автором классического труда «Псевдогаллюцинации». Булгаков как врач, надо полагать, был знаком с этой вышедшей ещё до революции книгой, тем более, в ней было много интереснейшего общекультурного материала.

Что касается непосредственных “натурщиков” по жизни, то таковым является профессор Е. К. Краснушкин, Булгаков знал его труды и, возможно, был лично с ним знаком.³ Такой же натурой послужила ему и клиника Краснушкина, увиденная сквозь увеличительное стекло гиперболизации.

Но что важно в выборе фамилии профессора: при появлении *нового* Ивана и его с Иваном *ветхим* спора, носящего тестаментологическую окраску, следует вспомнить об образах Христа «вино новое» и «вино старое» и «мехи новые» и «мехи старые», которыми Он символизирует Ветхий и Новый Заветы по форме и содержанию. В этом аспекте фамилия Стравинский, т. е. Старо-винский приобретает концептуальное звучание. Естественник, отвлекшийся от духовного наследия прошлого (он уже нетвёрдо помнит, кто такой Пилат, а Евангелия в его клинике не находится даже в пользовании доктората), он вполне мог читать статьи минцев всерьёз и даже солидаризироваться с их выводами. Из этого следует, что духовная структура и ценность личности не интересовали его совсем, а *кислородную подушку* он полагал панацеей при всех “неудобных положениях” тела своих пациентов. В этом смысле прогресс науки следовало бы понимать как переход от кислородной подушки к кислородному матрасу — не более того. Не мудрено, что подобного типа люди с таким деревянным мировоззрением оказались буратинами в руках папы Карла Маркса.

³ См. 61, гл. 8.